

Анна Бабяшкина

Прежде чем сдохнуть

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Б12

Бабяшкина А. В.

Прежде чем сдохнуть / Бабяшкина А. В.; худ. Бабяшкина А. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2022. — 204 с.

ISBN 978-5-532-92753-7

«Прежде чем сдохнуть» — это полуфантастический роман о тех, кому сегодня около 40 лет. Точнее, о том, какими эти люди станут в почтенном возрасте. Действие происходит в 2039 году в подмосковном пансионе для стариков, куда прибыли проживать «вторую молодость» вчерашние сливки «креативного класса». Софья Булгакова, некогда известный журналист, по настоянию единственного сына переезжает в заведение для пенсионеров, полагая, что проведет здесь лишь лето, работая над романом, написать который мечтала всю жизнь. Но очень скоро понимает, что застряла здесь надолго, а соседи по пансиону далеко не так просты и со многими из них она пересекалась в прошлой жизни... Анна Бабяшкина: «Этот текст — попытка представить, какими мы (я и мои ровесники) станем, когда доживем до старости. За что нам будет стыдно? Чем мы будем гордиться лет через тридцать и о чем жалеть?» Книга — лауреат премии «Дебют», входила в лонг-лист премии «Нацбест». Роман переведен на английский язык.

ISBN 978-5-532-92753-7

© Бабяшкина А. В., текст, 2008
© Omiko Trading LTD., оформление, 2022

Содержание

Сентябрь, 2039	4
Май, 2039	7
Послесловие	202

Сентябрь, 2039

Наконец-то в свои шестьдесят я села писать свою первую книгу. Я мечтала об этом всю жизнь, но все как-то обламывалась. И вот, прежде чем сдохнуть, я наконец нашла время, чтобы осуществить Мечту Всей Своей Жизни – написать четыреста тысяч знаков связанного текста «от себя самой». Про то, что мне на самом деле хотелось бы написать, а не про то, что хочет прочитать главный редактор и рекламодатели (по-моему, им одним был интересен тот трэш, который писала я и другие «журналисты» во всех СМИ, в которых мне довелось работать за эти нудные и долгие годы, которые я теперь пафосно называю «деланием карьеры»).

Так вот, прежде чем сдохнуть, я, вполне себе годно сохранившаяся тетка семьдесят девятого года рождения, еще помнящая жизнь без мобильных, Интернета, Путина и электромобилей, сажусь за компьютер и с чувством глубокого удовлетворения набиваю в Word название своего «открывающего новый этап в моей жизни» романа: «Прежде чем сдохнуть». А компьютер тут же подчеркивает слово *сдохнуть* волнистой зеленой линией и сообщает, что оно не может быть употреблено в тексте. И (в скобках) делает допущение: если только речь не идет о животном.

Речь идет обо мне и моих соседях по дому престарелых, поэтому слово *сдохнуть* вполне допустимо.

Мы стали первым поколением стариков, которое дети массово сдали в дома престарелых и забыли там навсегда. Глупо искать причины, почему слив предков в эти недокладбища перестал считаться чем-то позорным и крайне неэтичным среди наших детей. Мы рожали их нехотя, в последний момент перед климаксом, сожалея о том, что «теперь придется снимать двушку вместо однушки» и «лишний раз не съездишь за границу». Конечно, потом-то мы их любили. Не любили и не хотели мы их только *до* рождения, а *после* очень даже трепетно относились: нанимали им няnek, поку-

пали телевизоры с большим экраном, чтобы они получали большее удовольствие от мультиков, и даже иногда позволяли играть на родительском айпаде. У нас выросли хорошие дети с большим будущим. Просто в наше технологичное время куда как рациональнее поместить стариков в одном месте – поблизости от тех немногих людей, которым не безразлично терпеть старческую капризность и слушать шарканье шлепанцев. Они заботятся о нас, а мы живем в своем сжатом до размеров пионерлагеря стариковском пространстве совсем так, как и хотели жить всю жизнь: без проблем, без обязательств, без работы, предоставленные сами себе и друг другу. Совсем как в передаче нашей молодости – реалити-шоу «Дом-2». Хотя, конечно, всю жизнь мы мечтали совсем о другой старости.

Но сейчас нам, как в самой ранней юности, уже не надо ни о чем заботиться: ни о том, как получить повышение зарплаты, ни как купить квартиру в Москве, ни о том, с кем оставить ребенка, когда тебя вызывают в выходные на работу, ни как разделить имущество при разводе. Каждый предается тому, чем мечтал заниматься всю жизнь. В основном среди мужчин это компьютерные игры нон-стоп и просмотр спортивного канала, а среди женщин – запойный просмотр сериалов, чтение, охота за мужчинами и маниакальная забота о внешнем виде (мы стали первым поколением старушек в стрингах, эпилирующих зону бикини и маринованных в солярии).

Я включилась в нашу пансионную жизнь с энтузиазмом неопита. В конце концов, одиночества мне хватило в те три года, пока сыну не удавалось доходчиво объяснить мне преимущества жизни в пансионе и доказать, как необходима им (ему и его герле) моя квартира. Впрочем, данное им образование пошло впрок и они-таки смогли найти веские доводы и убедительные слова.

И вот я здесь уже почти четыре месяца. И, наконец, пишу ту самую вожделенную книгу, которая не появилась бы, не окажись я в этом специфическом местечке. Здешние старухи дарят меня богатым жизненным материалом. Думаю, ни одна из них не будет рада, когда увидит мой текст напечатанным. А одна, я подозреваю, могла бы, пожалуй, и убить. Несмотря на перечисленные сдержива-

ющие факторы, я все-таки пишу эту книгу. И так слишком от многих поступков в жизни я отказалась из страха. Нередко, как обнаруживалось впоследствии, опасения мои были изрядно преувеличены. Надеюсь, и в этот раз я переоцениваю размеры нависшей надо мною опасности и очкую без повода.

Но не буду забегать вперед, и начну с самых первых дней моей жизни в пансионе...

Май, 2039

Всю ночь накануне я плакала. Все утро боролась с результатом ночных слез – опухлостями вокруг глаз – с помощью чайных пакетиков. Всю первую половину дня пыталась смыть желтые круги от заварки вокруг глаз и запудрить их. Но от пудры лишь явственнее проступали морщины, и ее пришлось смыть и ехать как было. Так я стала Очковой Змеей. О том, что в первый же день пансионеры дали мне такое прозвище, я узнала лишь через неделю. «Ну и пусть! – думала я. – Подумаешь, один раз морда была не ахти. Зато у меня задница пока вполне еще ничего, по крайней мере, свою прямую функцию выполняет исправно». К тому же у меня сохранилась пышная, как искусственная ель, шевелюра «ежиком», которую очень красил темно-каштановый Color Creme. Шейный платок, в котором я всегда появлялась на людях, придавал мне пикантность и ловко маскировал шрам от операции на щитовидке. Груды у меня никогда много не было, но лифчик вандер-бра я всегда могла себе позволить, так же как и утягивающее белье. К тому же с юности я научилась держать спину так, как будто бы от плечей, через лопатки и до задницы у меня был натянут эспандер, не дававший мне позорно скрючиваться и ссутуливаться. Словом, для своих шестидесяти я выглядела как свеженький ментоловый леденец.

Мы въехали на залитую асфальтом территорию пансионата. Сын и невестка с энтузиазмом перетаскивали сумки из машины в мою комнату. Со словами «С новосельем!» вручили мне довольно облезлого плюшевого кота, «чтобы не скучала», и укатали в Москву. В тот же вечер были назначены просмотры моей квартиры потенциальными съемщиками. Предполагалось, что в пансионе «на природе» (за этим красивым оборотом скрывалось «в двухстах километрах от Москвы») я проведу лишь три летних месяца. «Мама, это так полезно для твоего здоровья!» – говорил мне сын. А если мне не понравится, то осенью я снова вернусь к себе в Москву.

Конечно же, все, кроме меня, были заинтересованы в том, чтобы этого не случилось. Так мне казалось...

Я не собиралась вступать в тесные отношения с другими пансионерами. Друзей у меня уже давно не было, и я научилась жить без них – у меня был мой Интернет с анонимными онлайнowymi собеседниками, мои книги и фильмы. К тому же эти три месяца на природе я собралась провести в работе над Своей Первой Книгой. Соловьи, поля, тополя, как я думала, наконец, подарят мне вдохновение, которое что-то никак не снисходило до меня в Москве. Дома я уже начала десяток книг, но ни одну из них не смогла дописать до конца – каждый раз появлялись более гениальные замыслы или более неотложные дела; (киста, щитовидка, катаракта). Да и просто хотелось отдохнуть. «Теперь – самое время и место», – решила я.

Полей и тополей рядом с пансионом не оказалось, зато из окна был виден щербатый асфальт, давно не стриженные акации и обложенная битым кирпичом клумба, на которой пробивалась какая-то нежная зелень с малиновыми прожилками. Издалека сладко тянуло хвоей и навозом. Как оказалось, в километре был коровник. Но зато в ста метрах от пансиона – озерцо с низкими заболоченными берегами и деревянным мостком.

Снисходить до общения с пансионерами мне не хотелось еще и потому, что пансион был из недорогих, и я не могла рассчитывать встретить здесь людей своего круга. Я же привыкла вращаться среди людей идейных, креативных, творческих и безбашенных – все-таки бывший журналист центральной прессы. В такую пердь и за такие деньги, как я предполагала, ссылаются неудачники, которые мало зарабатывали всю жизнь и даже не смогли дать своим детям высшее образование. Себя я считала нелепым исключением – негосударственный пенсионный фонд, в который переводилась страховая часть моей пенсии, к несчастью, лопнул. Страховая (большая) часть пенсии, которая перечислялась туда чуть ли не всю мою жизнь, благополучно пропала (хотя сын считает, что еще не все потеряно, и продолжает с кем-то там судиться за мои деньги), и в результате я сейчас получаю такое же денежное пособие, как если бы никогда

не работала. Собственно, эта неприятность и стала одной из причин, по которой сын и настоял на моем пребывании в пансионе «Курганы» и сдаче в аренду моей квартиры. (Конечно, главной причиной была забота о моем здоровье.)

Впрочем, как выяснилось позже, я совершенно напрасно опасалась, что я одна такая умная среди бедных. Оказалось, что полпансиона забито людьми, про которых я или читала, или слышала от знакомых – то есть людьми моего круга, которые точно так же не рассчитывали, что доживут до старости, и безоглядно транжирили бабло в молодости, надеясь, что если они и дотянут до шестидесяти, то дензнаки в этом возрасте будут братья откуда-то сами собой. То есть они тоже ничего не скопили на старость. Выяснила я это уже через пару дней жизни в казенном доме, и это реабилитировало мою самооценку.

К ужину (19:00 по расписанию) я вышла холодна и бесстрашна. Я надеялась, что всем так же насрать на меня, как мне на всех. Навстречу мне девица в бесстыжем белом халатике прокатила тележку с тарелками. «Я бы тоже хотела получать ужин в номер», – остановила я ее. «Но вы же пока ходите?!» – смерила она меня взглядом. Не стала отвечать на это хамство. «Пока» так «пока», в столовую, так в столовую.

Я напрасно надеялась, что всем на меня насрать. Какая-то женщина, очевидно из местного начальства, решила меня представить публике. Прямо как новую ученицу классу. Она быстро высмотрела в зале мое (незнакомое ей) лицо, довольно чувствительно схватила за руку и закричала в зал: «Господа! Обратите внимание! У нас новое поступление – Софья Аркадьевна Булгакова, 1979 года рождения, известный журналист, которая, как сказал нам ее сын, мечтает написать роман!». По залу пронесся смехок, который я отнесла на счет манеры говорить этой шумной девки. Я всегда знала, что у нынешней молодежи нет чувства языка, но что у нее нет и чувства такта, впервые так сильно бросилось мне в глаза.

– Может, ты еще и мою медицинскую карту зачитаешь? – тихо, но вполне злобно прошипела я.

– Вы, кстати, еще не сдали вашу медицинскую карту в нашу медсанчасть! – ответила работница пансиона. – Ну, ничего, сдадите завтра. Берите же ваш ужин, пойдемте, я волюю вас в коллектив.

Жрать в компании этой девицы мне совершенно не хотелось, но я зачем-то потащилась за нею со своим подносом.

– Сейчас я посажу вас к нашей знаменитой Алле Максимовой! – прочавкала девка, уже успевшая что-то засунуть в рот. – Она у нас в пансионе первая писательница.

Первая писательница, изогнувшись над тарелкой, как коктейльная соломина, меж тем перебирала три стручка спаржи и тарасилась на меня отнюдь не дружелюбно.

– Так ты, Сонечка, тоже пишешь? – сверкая фарфоровыми зубами, спросила она.

На эту оскорбительную «Сонечку» надо было срочно ответить не меньшим оскорблением.

– Да, котик! – улыбнулась я в ответ так широко, чтобы все увидели, что у меня-то, в отличие от некоторых, пока вполне годно сохранились собственные зубы. Пусть и прокуренные до желтизны, но свои.

– Алла у нас – самый тиражный писатель в пансионе, – гордо сказала девка, функция которой в этом заведении по-прежнему оставалась мне неясной. – Ее рассказы чаще всего распечатывают другие члены комьюнити. Она так увлекательно пишет, что наши мужчины решили сделать ей личный сайт, чтобы и другие люди могли скачать ее романы! – продолжала услужливо обсирать Максимову девка. – И мы это очень поддерживаем. Если вы сможете писать так же интересно, то, наверное, они и вам сделают сайт.

Тут я не выдержала и сардонически расхохоталась.

– Вообще-то я профессиональный работник СМИ, – фыркнула я, все еще продолжая ржать. – И, надеюсь, напишу что-то, представляющее большую литературную ценность, чем старческий лытдыбр, интересный лишь пенсионерам.